

ГЕОПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОБРАЗЫ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ СЕВЕРНЫХ ТУНГУСОВ

GEOSPATIAL IMAGES IN THE TRADITIONAL CULTURE OF NORTHERN TUNGUS

E. Alekseeva

Summary. The article on the basis of ethnographic and field materials highlights the geospatial images of the Evens and Evenks. It is shown that the objects of the geo-landscape (mountains, rivers) reveal their original mental map of space. The development of vast territories of Siberia contributed to the formation of a special world view of the Tungus, worldview, the formation of a unique picture of the world.

Keywords: Yakutia; Evens and Evenks; traditional culture; cultural landscape; geospatial images, traditional picture of the world, mental map of space.

Алексеева Евдокия Кимовна

*К.и.н., Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера Сибирского
отделения Российской академии наук
Aeks07@mail.ru*

Аннотация. В статье на основе этнографических и полевых материалов освещены геопропространственные образы эвенов и эвенков. Показано, что объекты геоландшафта (горы, реки) раскрывают их оригинальную ментальную карту пространства. Освоение обширных территорий Сибири способствовало формированию у тунгусов особого мировосприятия, мировоззрения, формированию своеобразной картины мира.

Ключевые слова: Якутия; эвены и эвенки; традиционная культура; культурный ландшафт; геопропространственные образы, традиционная картина мира, ментальная карта пространства.

Объект исследования имеет непосредственную связь с такими междисциплинарными понятиями как «культурный ландшафт», «геокультура», которым в современном научном пространстве уделяется особое место. Согласно этнолого-географическому подходу [по В.Н. Калуцкову] «культурный ландшафт» рассматривается как освоенный определенным этносом или конфессионным обществом природный ландшафт: определенная система расселения и хозяйствования, язык (топонимика), система матриц и кодов культуры, выражающихся в знаках и символах, непосредственно связанных с территорией. В.Л. Каганский совершенно точно дал определение понятию «культурный ландшафт», согласно которому КЛ — земное пространство, которое определенная группа людей освоила утилитарно, семантически и символически. Действительно, человек, обживая какую-либо территорию, наполняет и придает им определенный «смысл», наделяет системой местных географических названий, символикой [8, с. 60]. Под определением «геокультура» подразумевается процесс и результаты развития географических образов в конкретной культуре, а также формирование традиции культуры осмысления этих образов [5, с. 171]. Определенная культура «коллекционирует» определенные географические образы, приобретая при этом те или иные образно-географические конфигурации. В совокупности они создают геокультурное пространство — систему устойчивых культурных реалий и представлений на определенной территории,

формирующихся в результате взаимодействия различных вероисповеданий, традиций и норм, ценностных установок, структур восприятия — то есть картин мира [3, с. 82]. Культура в данном случае становится интересной как продукт образногеографических интерпретаций [4, с. 70].

В статье нами будут рассмотрены геопропространственные образы и их осмысление в традиционной культуре эвенов и эвенков, интерпретирующие локальные пространства северных территорий. Изучение геопропространственных образов локальных этнических сообществ в качестве компонента культурного ландшафта как историко-культурного феномена, формирующего образы региональной идентичности, природные и культурные объекты и образы во взаимосвязи, пространственные категории культуры в рамках новых междисциплинарных подходов привлекают все большее внимание и продолжают оставаться одним из приоритетных направлений в исследованиях как российских, так и зарубежных ученых. Между тем данный вопрос остаётся открытым, особенно в отношении северных локальных общностей.

Северные тунгусы (эвенки и эвены), прежде всего, известны как кочевые таёжные номады, имеющие сходные историко-культурные особенности, обусловленные единством происхождения. В.А. Туголуков писал, что «эвены и эвенки являются в прошлом единым таежным

народом» [13, с. 160]. По С.К. Патканову, «физическое и культурное единство объясняется наличием общих генетических корней этих этносов» [8, с. 756]. В ходе своей этнической истории и хозяйственной деятельности эвенки и эвенки расселились на огромных пространствах Северо-Востока Сибири небольшими дисперсными локальными группами, каждая из которых имеет свои хозяйственные и культурные особенности. Так, к концу XIX в. вся обширнейшая территория расселения эвенков и эвенков — часть Западной Сибири, Восточная Сибирь, Дальний Восток, включая его северо-восток, верховья крупнейших сибирских рек Индигирки, Колымы, Яны, побережье Охотского моря и реки, впадающие в него, были населены тунгусскими кочевыми объединениями. В Якутии, где отмечается многообразие природных условий и ресурсов, различных этнических сообществ отмечается формирование особого регионального варианта культуры тунгусоязычного населения.

Как показывают исследования, этнокультурные ландшафты эвенков и эвенков, в том числе пространственные представления и ландшафтные коды культур, сформированы в тесной связи с освоенной ими экосистемой и имеет характеристики:

- ◆ в зависимости от геоландшафта проживаемой территории (горно-таежная зона, таежная зона, лесотундровая зона, тундровая зона). Разные социоприродные ландшафты сформировали особое пространственное мышление, символы и образы, при этом эти образы имеют тесную связь с религиозно-мифологическими представлениями;
- ◆ этнокультурного взаимодействия с соседними этносами.

Как известно, одним из основных критериев этнической идентичности народа является территория его жизнедеятельности, которая в культурной памяти этноса устойчиво ассоциируется со сложившимися веками образами исторического и географического пространства. Так, издавна жизненное пространство тунгусов в основном составлял горно-таежный ландшафт — тайга с многочисленными реками, речушками и горными возвышенностями. А.Ф. Миддендорф называл тунгусов 'горным народом', о горной тайге как о родине эвенков писала Н.В. Ермолова: «Сложившись как этнос именно в горной тайге, эвенки выработали и свой особый способ адаптации к ее природным условиям. Приручив северного оленя, ставшего мощным транспортным средством, они обрели свободу передвижения в любом направлении своей ландшафтной зоны, благодаря чему смогли освоить всю горно-таежную область Сибири, которая стала для них большой Родиной, общим этническим Домом» [2, с. 88]. Справиться с этой грандиозной задачей помогли тунгусам сибирские реки, ставшие главными

ориентирами в освоении ими безбрежных просторов горной тайги. Одной из основных идей, выраженной образом Реки, была идея Пути или Дороги. Речные линии были трассами тунгусских кочевков, по которым шли все основные миграции и транспортные перемещения. Она везде выступала, прежде всего, как путь освоения мира, ведущих к постижению его неохватных пространств. Как следствие этого — реки были поставлены традиционным восприятием пространства в один смысловой ряд вместе с горными хребтами, являющимися доминантами горно-таежной местности [2, с. 89]. Тунгусы — 'люди водоразделов', а водоразделы — это всегда возвышенности, с которых реки текут в разных направлениях, ведя к новым землям, это 'ключи' к ориентации в пространстве земли пишет А.А. Сирина. Кочевые тропы связывали разные социоприродные ландшафты, формируя особое пространственное мышление, символы и образы. [12, 2012: 253, 254].

Итак, геопропространственные объекты — тайга, гора, реки — это тот контекст, в котором сформировался национальный образ мира тунгуса-кочевника, эти объекты раскрывают оригинальную ментальную карту пространства северных тунгусов.

Тем самым в исследовании рассматриваются следующие базовые единицы, в которых ярко отражается природно-ландшафтный код традиционной культуры эвенков и эвенков — «река», «гора», «тайга/дерево». И основная роль при передвижениях по труднодоступному горно-таежному ландшафту отводится оленю. Эти объекты выступают в роли образов и символов, это тот контекст, в котором сформировался национальный образ мира северных тунгусов, связаны с их древнейшими представлениями, архетипическими и мифологическими. Известно, что у кочевых народов наряду с реальным освоением жизненных территорий освоение пространства имел и религиозно-мифологический характер — это мир духов, всевышних божеств и ушедших предков. Природа и его объекты наполнены сакральным содержанием, одухотворена духами предков, скреплена с человеком посредством традиций, обычаев, запретов. Так, жизненный мир тунгусов, подобно любой традиционной системе, заключал в себе два взаимосвязанных уровня. С одной стороны, это было реальное географическое пространство, наделенное определенным сакральным смыслом, а с другой — весь мифологический Космос с его охватом земного и неземных миров [2].

Так, кочевые тропы и реки в религиозно-мифологическом ключе в первую очередь выступали символом «Дороги», гора символом «Мирового дерева», дерево — «Символом жизни». Благодаря религиозно-мифологическим представлениям о Мировой реке, Мировом дереве, Горе, о верховных божествах, духов-хозяев мир

для тунгусов становится упорядоченным, Хаос меняется на гармонию Вселенной (Космоса).

В мифологии народов Сибири и Севера космическая река выступает в качестве 'мирового пути', некоего 'стержня' мироздания, пронизывающего верхний, средний и нижний миры. Сакральная область реки локализовалась в центре тунгусского мироздания, выражая собой целый спектр важнейших основополагающих понятий и символов тунгусской картины мира [2, с. 87]. В традиционном мировоззрении эвенков и эвенов мифическая космическая река *эндекит* выступала структурообразующей Вселенной, представлялась как шаманская 'дорога — река', а коммуникативную роль между мирами играл родовой шаман. Самыми большими «мастерами» в освоении мифологического пространства/времени являлись шаманы, главная функция которых — посредничество, которое было немыслимо без путей и дорог [1, с. 56]. Необходимо отметить, что в традиционной культуре тунгусов, идея пути является многоплановой. Это путь по Вселенной, путь между жизнью и смертью и новым рождением, но это же путь оленей и течение реки [11, с. 243].

В жизненном пространстве тунгусов наряду с реками горы выполняли роль главных ориентиров на местности как в географическом, так и в сакральном смысле. В географическом плане они выступали тем центром, вокруг которого вели свою жизнедеятельность кочевые группы тунгусов. С древности главная гора местности рассматривалась как символ родовых кочевий (например, у ламунхинской группы эвенов гора *Дудэрэ*) [10, 2017 г.]. Как известно, мифологические функции горы многообразны. Гора выступает в качестве наиболее распространенного варианта трансформации Мирового дерева. Гора часто воспринимается как образ мира, модель Вселенной, это центр мира, ориентир в пространстве. Самые высокие горы всегда почитались и наделялись сакральными свойствами. У тунгусов горы, как и каждый природный объект, имели своих духов-хозяев — *муран* (эв.), *мусун* (эвенк.). По их представлениям, на вершине священных гор обитали духи-покровители. В целом божественные персонажи были связаны с вершиной горы. Так, эвенки в обрядах при окроплении земли кровью или молоком использовали в основном ложки — *көйэнэ* (*көйэ* — «бараний рог» Ойм., Ох., Ол.), так как считали, что горный баран, обитающий на вершине горы, ближе к солнцу и божествам [9].

Во все времена горы были и остаются объектом восхищения человека. Горе как доминантному символу посвящались легенды, предания, мифы, песни, стихи. Когда при беседе с информантами с северных районов речь заходит о горе, они в первую очередь подчеркивают красоту и величавость родных гор, но в то же время

и их строгость. Гора для них живой объект, требующий уважительного отношения и почтения. Однажды оленевод-информант из с. Себян-Кюель Кобяйского района, приехавший в город сказал: «Как мне душно в городе, здесь везде суета, когда же я наконец поеду к себе на родину, в тайгу, в стадо к своим оленям, горным просторам, где легко дышится, где просторно, где душа отдыхает и радуется. Вот приеду в Себян, увижу родные горы, тогда я успокоюсь!» [9, 2015 г.].

В освоении тунгусов труднодоступных горно-таёжных пространств Сибири особая роль принадлежит Оленю. Вся жизнь тунгусов-кочевников находится в единстве с родной природой и связана с тайгой, где прежде всего Олень выбирает Путь/Дорогу (около горы, реки или озера) в сложной системе мироздания и только дорога Оленя становится дорогой Кочевника. Олень выступает связующим звеном между водной и горной системами. Именно ритм оленя организует жизненное пространство тунгуса-кочевника. Поэтому почитание оленя (культ оленя) у исследуемых этносов настолько высоко, что в религиозно-мифологических представлениях этих народов он выступает как первопредок, верховное божество, с которым связана вся жизнь рода и отдельного человека, зависело здоровье и благополучие семьи. Следует заметить, что Мировое Дерево, река и кровеносная система оленя (поскольку эвенки и эвенки хорошо знали внутреннее строение животного) — элементы, которые в представлениях тунгусов составляют единое целое, трансформируясь одно в другое, связаны между собой в религиозно-мифологических представлениях, составляющих часть геокультурного пространства.

Итак, геокультурное пространство тунгусов сформировалось на границе реального геофизического пространства и пространства мифологического (мифологические функции горы как Мирового дерева, функции Реки как мифической космической реки — *эндекит*). Как и у других народов у северных тунгусов определенный географический объект имел свое семантическое и мифологическое содержание, которое связано с рациональным и концептуальным переживанием пространства. Тесная связь северных тунгусов с природой определила особенности их мировосприятия/мироощущения, на основе которой складывались мифологические и символические образы пространств. Кочевники организовывали свое жизненное пространство, наделенное божествами и духами-хозяевами, а связующим звеном между ними выступал родовой шаман, выполняющий роль «защитника» своего рода. Таким образом, через культурный ландшафт, наделенный символическими нагрузками, выявляется ментальная картина мира северных тунгусов, при этом символы геокультурных образов имеют мировоззренческую основу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Е.К., Варавина Г. Н. Реальное и символическое пространство тунгусской культуры: движение и путь // Общество: философия, история и культура. — 2017. — № 6. — С. 55–57.
2. Ермолова Н. В. Река в трех мирах эвенкийской Вселенной // Реки и народы Сибири: сборник научных статей / отв. ред. канд. ист. наук Л. Р. Павлинская. СПб., 2007. С. 87–127.
3. Замятин Д. Н. Географические образы в гуманитарных науках // Человек. 2000. № 5. С. 81–88.
4. Замятин Д. Н. Гуманитарная география. Пространство и язык географических образов — Ин-т географии РАН. СПб.: Алетейя, 2003. — 331 с.
5. Замятин Д. Н. Геокультурное пространство России: ключевые положения, интерпретации и перспективное геокультурное проектирование // Развитие и экономика. 2014. — № 6. — С. 170–183.
6. Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: сборник статей. М.: НЛО, 2001. — 576 с.
7. Калуцков В. Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008. — 320 с.
8. Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. СПб., 1912. — Т. 3. — 911 с.
9. ПМА, 2015 г.
10. ПМА, 2017 г.
11. Сем Т. Ю. Символика и семантика обрядовой одежды тунгусов (к иконографии богов плодородия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2, Вып.4, 2007 г. — С. 245–255.
12. Сирина А. А. Эвенки и эвены в современном мире: самосознание, природопользование, мировоззрение. М., 2012. — 604 с.
13. Туголуков В. А. Эвены // Этническая история народов Севера. — М., 1982. — С. 155–168.

© Алексеева Евдокия Кимовна (Aeks07@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук